

УДК 821.161.1

Возвращение исторической
памяти в военной лирике
и публицистике Алексея Суркова

Е. А. Федорова

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

E-mail: sole11@yandex.ru

Научная статья

В статье впервые происходит обращение к фронтным записным книжкам А. А. Суркова, которые хранятся в Рыбинском музее-заповеднике. Алексей Александрович Сурков (1899–1983) – поэт и публицист, редактор, уроженец ярославской земли, во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом. В его публицистических статьях и стихотворениях этого времени происходит обращение к традициям древнерусской и русской классической литературы, к христианским темам и образам. Тема исторической памяти возвращает общечеловеческие ценности в литературу.

Ключевые слова: А. А. Сурков, Великая Отечественная война, военный корреспондент, записные книжки, черновики, военная лирика, военная публицистика, литературные традиции, христианские мотивы.

Return of historical memory
in the military lyrics
and journalism of Alexei Surkov

E. A. Fedorova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article first accesses the front-line notebooks A. A. Surkov, which are stored in the Rybinsk Museum-Reserve. Alexei Surkov (1899–1983) – poet and essayist, editor, born in the Yaroslavl land, during the Great Patriotic War was a war correspondent. In his journalistic articles and poems of this time there is an appeal to the traditions of ancient and classical Russian literature, to Christian themes and images. The theme of historical memory returns universal values in the literature.

Keywords: A.A. Surkov, the Great Patriotic War, a war correspondent, notebooks, drafts, war poetry, war journalism, literary traditions, Christian motifs.

В первые дни войны А. А. Сурков стал военным корреспондентом «Красноармейской правды», газеты Реввоенсовета Западного фронта. В 1942 году Сурков перешел работать в газету «Красная звезда». В годы войны поэт и публицист принимал участие в самых тяжелых военных операциях. В послевоенном очерке «На дорогах войны» (1965) А. А. Сурков признавался: «От войны осталось несколько десятков записных книжек. В большинстве из них – записи бесед с участниками войны. Наброски очерков и стихов. Отрывочные впечатления. Рассуждения и размышления» [1; С. 151].

Четырнадцать фронтных записных книжек А. А. Суркова, которые хранятся в Рыбинском государственном историко-архитектурном и художественном музее, являются ключом к его военным статьям и стихам, размышлениям о судьбе Отечества.

Это дневник поэта, который он вел на Западном фронте, под Москвой в 1941 году, подо Ржевом, на Осколе и Дону в 1942 году, на Юго-Западном фронте в 1943 году, на Прибалтийском фронте в 1944 году. На каждой книжке написано время и место ее создания – это, конечно, документы того трудного времени. Но когда берешь в руки эти блокноты и книжки, становишься причастным общей судьбе нашего народа. Здесь, действительно, звучит голос народа: это рассказы саперов, танкистов, артиллеристов, пулеметчиков, пехотинцев, шоферов, врачей, партизан – рядовых участников войны. Это воспоминания русских людей о плене в Германии, о зверствах на оккупированных территориях, о работе военных заводов в тылу. В своих очерках в первые годы работы в «Красноармейской правде» А. Сурков использует прием, который потом у него перенимают другие военные корреспонденты: он дает слово каждому участнику

события [2]. Из хора голосов складывается общая судьба. Это та традиция русской классической словесности, которая называется соборностью.

Алексей Сурков – один из первых ярославских комсомольцев, участник гражданской и русско-финской войны, был, конечно, революционной культуры. Но в его произведениях в годы Великой Отечественной войны отчетливо проступают традиции русской классической словесности. Прежде всего это поэзия Н. А. Некрасова. Томик стихов этого поэта был подарен Суркову после окончания церковно-приходской школы в д. Середнево близ Рыбинска. Как Некрасов и Маяковский, Сурков был по своему дарованию лириком, но также «наступил на горло собственной песне». В четвертом блокноте раскрывается двойное дарование Суркова – публицистическое и лирическое. С одной стороны своего блокнота Сурков писал: «Да! Дальше отступить нельзя...», а с другой – признавался своей жене в нежности и любви: «Знаю – ты тоскуешь, дорогая...» Знаменитая песня А. Суркова «В землянке» – свидетельство этого же лирического дарования. В записной книжке Суркова за июнь 1942 года – март 1943 года делается вывод: «Писатель должен стать солдатом». А в записной книжке 1943 года «Юго-Западный фронт» появляются уже совсем некрасовские строки: «Тот не поэт, кто в эти дни себя не чувствовал солдатом».

Как Некрасов, Сурков обращался в качестве источников своего творчества к фольклору. Не только народные песни, сказки и сказы привлекают внимание Суркова, но и древнерусская словесность. Так, в стихотворении 1944 года используется словесная формула из «Слова о полку Игореве» – «испить воды» из реки на земле врага – это выражение, по мнению Д. С. Лихачева, означает одержать над врагом победу [3]:

*Смерть изгрызла железом его ряды,
Но живуч, упрям человек!
Поклялись бойцы зачерпнуть воды
Из незнакомых немецких рек.*

Очерк «На дорогах войны» (1942–1943) А. Суркова заканчивается детским воспоминанием о своей ярославской родине. В очерке «Сердца матерей», которое поэт создавал в 1942 году во время страшных боев подо Ржевом, он вспоминает о своей матери [1; С. 164]. Образ матери и Родины для него, как и для Некрасова, едины. Стихотворение Суркова «Видно, выписал писарь мне дальний билет» (1942, Ржев) так же, как многие стихи Некрасова, вырастает из русского фольклора. Здесь используется сказочный мотив неуязвимости героя, но он перерастает в христианскую тему заступничества матери за сына:

*И от пуль невредим, и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.*

В довоенной лирике Суркова есть стихотворение «Дорога» (1937–1939) о прощании с родной землей, где показан молебен его матери за сына:

*Дым над кадилом пахучий и едкий.
(Ладан для горя целебен!)
В складчину в церкви три бабы-соседки
Служат дорожный молебен.*

Еще один поэт, близкий Суркову в эти годы, – Александр Блок. В записной книжке 1942–1943 гг. «Начало работы в «Красной звезде» есть план произведения «Между Волгой и Доном», в которое А. Сурков хотел включить «цитату из Блока». Тема Куликовской битвы звучит в военной лирике Суркова как напоминание об исторических победах русского народа: «Помним мы: после битвы на Калке Куликовская битва была». Цикл А. Блока «На поле Куликовом» создавался под влиянием «Задонщины», поэт помнил, что Куликовская битва состоялась в праздник Рождества Пресвятой Богородицы и во многом благодаря ее заступничеству была выиграна. А. Кулинич находит у Суркова аллюзии в стихотворениях «Россия», «Рвут залпы тишину жестоко» из цикла А. Блока «На поле Куликовом» [4; с. 123–124]. Но и в стихотворении «Родина» (1943) есть аллюзии к стихотворениям Некрасова и Блока. Из стихотворения Некрасова «Внимая ужасам

войны» приходит образ русской земли как «омытой слезами матерей», из стихотворения Блока «Россия» – образ дороги и неброский русский пейзаж:

*Осинник зябкий, да речушка узкая,
Да синий бор, да желтые поля,
Ты всех милее, всех дороже, русская,
Суглинистая, жёлтая земля.*

Как и у Блока, в этом стихотворении цветовая палитра – это синий и желтый цвет, а образ России сакрализуется: «бессмертная, нетленная», «загадочная в мудрой простоте». Но, в отличие от Блока, Сурков подчеркивает воинский подвиг русских солдат – «сынами возвеличенная».

Вместе с возвращением исторической памяти в лирику и публицистику А. Суркова вошли христианские мотивы. В первой записной книжке 1941 года появляются строки, в которых предатель Родины сравнивается с Иудой:

*Что Иуде путь героя,
Место воина в строю?
Он покинул поле боя,
Предал родину свою.*

В сказе «Отчего осина дрожит» (1941) А. Сурков пересказывает предание о временах Батыева нашествия, когда Липат-предатель привел войско татар в село Заморозки через болото. Село сожгли. Воевода Батыя приказал повесить Липата на осине: «Не годишься ты мне в слуги, Липат-продавец. Продавший отца – хозяину не слуга» [5]. Когда вздернули ордынцы Липата на осине, дерево задрожало от обиды: «Много времени с тех пор утекло, а осину все дрожь не оставляет. Стоит она в безветрие меж деревьями-товарками, дрожит круглыми своими листочками. И ребята малые, что весной сок сочить в лес приходят, обходят осину – горький ее сок, оскомина от него» [6].

Сказ «Отчего осина дрожит» заканчивает словами, которые можно назвать программными для творчества А. Суркова военных лет: «Крепкий русский корень. Глубоко он в матери-земле сидит. Рубят его железом, огнем его палят, ядом измены его стравить хотят, а он прикинется мертвым до поры, а не умрет. Придет пора, весеннее солнышко глянет, и пошлет из горелой земли зеленый росток вверх. Бессмертный он, корень-то русский, понял?» [6].

В черновиках очерка «Мы вернулись в Богучар», которые сохранились в РГАЛИ, старушка, осеняющая крестом бойцов Красной Армии, называет противника Иродом, т.е. врагом: «На людном перекрестке у горсовета сгорбленная старуха крестит воздух вслед за быстро движущейся орудийной запряжкой и кричит скрипучим старческим голосом: «Хорошенько его Ирода! Хорошенько! Сынки вы мои, родные...» [7].

В стихотворении А. Суркова «Дочери» (1943) рефреном звучат строки из православного богослужения, а само стихотворение по форме напоминает плач, используются постоянные эпитеты и слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, характерные для народных песен:

*Смерть пришла, как усталость.
Ноженьки босы,
По траве разметались
Русые косы.
Растерзали германцы
В бешеной злобе.
«Не рыдай, мене, мати,
Зрящи во гробе».*

Можно согласиться с В. Н. Турбиным, который считает, что А. Сурков в военной лирике следует агиографической традиции, создавая житие солдата, российских мучеников и праведников времен Великой Отечественной [8; с. 156]. Связист сержант Новиков, который соединил зубами кабель и, отстреливаясь от немецких автоматчиков, погиб, но обеспечил связь и управление войсками. Разведчик Пашков, взятый в плен, расстрелянный и сброшенный в могилу, остался в живых и вернулся в строй. Партизанка Зоя Космодемьянская, попавшая в плен и прошедшая через пытки, издевательства,

оказалась не сломлена духом. Михаил Бернштейн, веселый и пробивной корреспондент «Красной звезды», оказавшийся в окружении и отказавшийся покинуть войска на самолете, погиб вместе с солдатами в «харьковском котле». Из этих военных фактов и подвигов конкретных людей вырастают стихотворения А. Суркова – «Связист», «Баллада о разведчике Пашкове», «О Зое», «Песня о веселом репортере».

В своих фронтовых стихах и очерках Сурков свидетельствует: смерть во имя общей жизни, во имя своей родной земли – это путь искупления, по которому прошел русский народ во время Великой Отечественной войны до конца. Он был вместе со своим народом, поэтому мог написать:

*Я честно, как положено бойцу,
Прошел свой путь солдатский, боевой.*

Ссылки / Reference

- [1] Сурков А. А. Собр. Соч. М.: Художественная литература, 1979. Т. 3.
- [2] Сурков А. А. Маленькие рассказы о больших делах» // Красноармейская правда. 1941. 17 июля.
- [3] Лихачев Д. С. Слово о полку Игоре: Историко-литературный очерк. 2-е изд. М., 1982. С. 51–79.
- [4] Кулинич А. В. Алексей Сурков. Очерк жизни и творчества. Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1953.
- [5] РГАЛИ. Ф. 1899. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 5.
- [6] РГАЛИ. Ф. 1899. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6.
- [7] Ф. 1899. Оп. № 1. Ед. хр. 17. Л. 8.
- [8] Турбин В. Н. Русские ночи. Три новеллы о поэтах, сочинявших свои стихи во время бессонницы, о подвижничестве и об их прегрешениях. Пособие для учащихся. М.: Интерпракс. 1994.